№ 101 б.
№ 101 б
Л. Н. Толстого.
авторъ.
2428
1
313

Т. А. КУЗМИНСКАЯ

ВОСПОМИНАНІЯ

о

ГРАФѢ Л. Н. ТОЛСТОМЪ

ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1908

Т. А. КУЗЬМИНСКАЯ

ВОСПОМИНАНІЯ

о

ГРАФѢ Л. Н. ТОЛСТОМЪ

ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1908

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

335

I.

Графа Льва Николаевича Толстого я помню, когда мнѣ было не болѣе девяти лѣтъ.

Его сестра Марія Николаевна, бывшая замужемъ за своимъ дальнимъ родственникомъ графомъ Толстымъ, проводила въ пятидесятыхъ годахъ зиму въ Москвѣ съ маленькими двумя дочерьми и сыномъ. Эти дѣвочки были моими первыми друзьями дѣтства.

Я часто бывала у нихъ въ домѣ и тамъ увидѣла въ первый разъ Льва Николаевича и старшаго его брата Николая Николаевича. Я помню ихъ молодыми. Оба они напоминали другъ друга, въ особенности выраженіемъ глазъ, глубокихъ и проницательныхъ. У дѣтей обыкновенно остаются въ памяти тѣ люди, которые обращали на нихъ вниманіе, а они оба много возились съ нами, дѣвочками, особенно Николай Николаевичъ: онъ придумывалъ намъ игры, раздавалъ роли на представленія, которыя мы тутъ же изображали; разсказывалъ намъ безконечныя сказки, что я особенно любила.

Левъ Николаевичъ тоже вмѣшивался въ наши игры и часто задавалъ намъ разныя задачки. Мы очень любили, когда онъ бывалъ съ нами, но, къ сожалѣнію, это случалось рѣдко. Въ это время онъ велъ очень свѣтскую жизнь, и по этому поводу Николай Николаевичъ часто говорилъ: «А Левочка опять надѣлъ фракъ и бѣлый галстухъ, и отправился на балъ».

Ко времени моего дѣтства относится еще воспоминаніе о пріѣздѣ Льва Николаевича къ намъ на дачу въ Покровское, подмосковное имѣніе Глѣбова-Стрѣшнева, гдѣ мы проводили лѣто въ теченіе двадцати пяти лѣтъ. Семья наша, очень многолюдная, считалась патріархальною. Дѣтей было восемь: три сестры и пять братьевъ; двѣ старшія сестры, братъ и я были погодками; между нами же и остальными была порядочная разница лѣтъ.

Какъ-то въ концѣ мая, около шести часовъ вечера, къ крыльцу нашей дачи подъѣхала коляска, въ которой сидѣли Левъ Николаевичъ, баронъ В. М. Менгденъ и любимый нашъ дядя Костя, братъ матери.

Пріѣхали они къ обѣду, но въ этотъ день, по случаю праздника, мы обѣдали раньше, и люди были отпущены погулять. Поднялась суета, и мать разрѣшила старшимъ дѣвочкамъ самимъ накрыть на столъ и прислуживать. Сестры бѣгали съ оживленными лицами, весело исполняя непривычное дѣло. Всѣ любовались ими и хвалили, не обращая на меня

никакого вниманія; я стояла у дверей, и мнѣ хотѣлось также играть роль, чтобы замѣтили и меня, но, какъ только я брала что-нибудь въ руки, мнѣ говорили: «не тронь, разобьешь», или: «оставь, тебѣ тяжело»;—и мнѣ было досадно и обидно.

Я смотрѣла на гостей; всѣ они были очень оживленны. Левъ Николаевичъ, одѣтый въ военную форму, много разсказывалъ о Севастополѣ, постоянно приговаривая: «ай да дѣвочки!»

Содержанія его разсказа, къ сожалѣнію, не могу вспомнить, хотя слушала его съ огромнымъ вниманіемъ. Всѣ мы, дѣти, очень интересовались войною, слушали чтеніе газетъ, по вечерамъ щипали корпію. Помню появленіе кометы и толки, что она не къ добру; жутко было дѣтскому сердцу, когда мы глядѣли на это прекрасное небесное свѣтило, предвѣщавшее несчастье, бѣдствіе страны.

Съ особенною чуткостью прислушивалась къ словамъ Льва Николаевича вторая моя сестра, Соня, впослѣдствіи его жена, смотрѣвшая на него, какъ на автора «Дѣтства и отрочества», чего онъ, конечно, и не подозрѣвалъ.

Книга эта произвела на нее сильно евпечатлѣніе, и она выписала себѣ въ дневникъ и даже выучила наизусть слѣдующія, полныя поэзіи, строки, тронувшія ея дѣтское сердце:

«Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время

можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели:—невинная веселость и безпредѣльная потребность любви—были единственными побужденіями въ жизни?» и т. д.

Старшая сестра Лиза на оборотѣ написала—«дура». Отличаясь положительнымъ и серьезнымъ характеромъ, она трунила надъ нею, говоря: «наша Фуфель (прозвище) пустилась въ поэзію и нѣжности».

Когда вечеромъ коляска увезла нашихъ гостей, намъ стало грустно, что мы больше не услышимъ интересныхъ разсказавъ о войнѣ и не скоро снова увидимъ Льва Николаевича, такъ какъ онъ собирался въ Ясную Поляну. Зимою дядя Костя привезъ намъ извѣстную его пѣснь: «Какъ восьмого сентября насъ нелегкая несла» и научилъ меня пѣть ее.

II.

Прошло пять лѣтъ. Сестры мои изъ дѣвочекъ преобразились въ молодыхъ дѣвушекъ 17 и 18 лѣтъ. Онѣ окончили образованіе, сдавъ университетскій экзаменъ. Одна я оставалась еще пятнадцатилѣтнимъ подросткомъ, и какъ растеніе тянется къ солнцу, такъ и я тянулась къ нимъ, къ ихъ молодой жизни.

Домъ нашъ совершенно преобразился: обычная строгость и правильность ученія миновали; атмосфера въ домѣ стала легче и веселѣе, молодежи бывало много. На праздники пріѣзжали изъ корпуса мой любимый старшій братъ,

его товарищъ, двоюродные братья, подруги сестеръ. Всѣ жили у насъ; всѣ были молоды, влюблены и безконечно веселы.

Тутъ опять мои воспоминанія рисуютъ мнѣ Льва Николаевича. Онъ сталъ часто посѣщать нашъ домъ. Ему, вѣроятно, нравилась наша многолюдная семья, радушіе и простота отношеній ко всѣмъ.

Наша мать и мы, барышни, почти всегда сидѣли дома, очень мало выѣзжали, и къ намъ всегда можно было прійти, какъ говорится, «на огонекъ».

Посѣщенія Льва Николаевича были какъ бы случайныя, иногда короткія, иногда продолжительныя. Часто, когда его приглашали обѣдать, онъ не отказывался заранѣе, но не приходилъ, а являлся совершенно неожиданно вечеромъ или въ другое время дня.

Посѣщеніе его всегда вызывали въ насъ, молодежи, не сказать радости, потому что мы мало еще знали его, но какой-то особенный интересъ.

Онъ не былъ, какъ другіе, и не походилъ на обыкневеннаго гостя, котораго занимаютъ въ гостиныхъ. Онъ былъ какъ бы всюду. Все интересовало его, и этотъ интересъ и участливость, которую онъ проявлялъ въ одинаковой степени къ малымъ, старымъ, молодымъ и даже домашнимъ людямъ, невольно влекла къ нему и заставляла смотрѣть на него иными глазами, чѣмъ на другихъ.

Гдѣ находился онъ, тамъ бывало оживленно,

какъ-то особенно весело, весельемъ не пустымъ, а содержательнымъ. Тѣ строки, которыя онъ въ молодости написалъ въ своемъ дневникѣ, вполнѣ опредѣляютъ его. Вотъ онѣ:

«Могучее средство къ истинному счастью въ жизни—это, безъ всякихъ законовъ пускать изъ себя во всѣ стороны, какъ паукъ, цѣлую паутину любви и ловить туда все, что попало,—старуху, ребенка, женщину, квартальнаго...»

И онъ ловилъ ихъ и заражалъ своимъ внутреннимъ, священнымъ огнемъ. Онъ понялъ, что въ жизни есть одинъ рычагъ—любовь.

Высказывалъ ли онъ свое мнѣніе о чемъ-либо, всегда слышались искренность и оригинальность взгляда, свойственная лишь ему одному. Онъ много разсказывалъ намъ, иногда говорилъ съ нами и серьезно, нисколько не поддѣлываясь подъ нашъ возрастъ и развитіе.

Въ тѣ времена Левъ Николаевичъ сильно увлекался школами и разсказывалъ намъ про свою Ясно-Полянскую школу, про выборъ учителей, любимыхъ учениковъ и ихъ сочиненія. И мы понимали его и сочувствовали ему.

Однажды вечеромъ онъ предложилъ прочесть намъ вслухъ только-что вышедшую повѣсть Тургенева «Первая любовь». Слушателей набралось много—подруги сестеръ и еще кто-то изъ молодежи. Левъ Николаевичъ читалъ самъ, и я въ первый разъ слышала его чтеніе.

Въ оцѣнку его чтенія я, какъ пятнадцати-

лѣтняя дѣвочка, входить, конечно, не могла, и всего болѣе интересовалась фабулой романа. Но, на бѣду, мать сказала, что въ романѣ есть мѣсто, которое «Таничкѣ слушать нельзя», и чтобы меня во-время отправили спать. Съ грустью усѣлась я на диванчикъ и внимательно слушала чтеніе.

Когда Левъ Николаевичъ уставалъ, онъ передавалъ книгу учителю, и тогда интересъ какъ будто ослабѣвалъ. Но лучшія и сильныя мѣста читалъ самъ Левъ Николаевичъ, и интересъ повѣсти сильно возрасталъ, и я подумать не могла уйти спать. Я притворилась спящей, меня не увели, и я все слышала, но не могла понять, гдѣ же то мѣсто, которое нельзя было слушать.

Послѣ чтенія пошли разговоры, и Левъ Николаевичъ говорилъ, что любовь шестнадцатилѣтняго юноши (сына) и есть и была настоящей сильной и чистой любовью, которую переживаетъ человѣкъ лишь разъ въ жизни, а любовь отца—это мерзость и развратъ. Эти слова запали мнѣ въ сердце.

Вскорѣ Левъ Николаевичъ уѣхалъ въ Ясную Поляну съ тѣмъ, чтобы потомъ ѣхать въ Самару на кумысъ. Онъ сильно кашлялъ, и это тревожило его. Его два брата умерли отъ чахотки.

Онъ обѣщалъ заѣхать къ намъ по дорогѣ. И дѣйствительно, весною, въ началѣ мая, проѣздомъ черезъ Москву, онъ заѣхалъ къ намъ.

Съ нимъ были его два любимые ученика и старинный слуга Алексѣй Степановъ. Два подростка, Васька Мороховъ и Федька Черновъ, о которыхъ мы слышали еще раньше отъ Льва Николаевича, очень понравились намъ. Мы старались принять и накормить ихъ какъ можно лучше, и я помню наше чувство, съ сестрой Соней, какъ мы боялись пересолить гостепріимство и поддѣлываться подъ ихъ тонъ и говоръ, чтобы не вышло фальшиво. Мы знали, что всякій оттѣнокъ фальши будетъ замѣченъ Львомъ Николаевичемъ. Онъ просилъ ихъ пріютить. Мальчики пробыли у насъ два дня и уѣхали съ нимъ въ Самару.

Послѣ его отъѣзда я замѣтила въ своей сестрѣ Сонѣ перемѣну. Она стала грустна и тревожно говорила о здоровьѣ Льва Николаевича. Мы двѣ, и братъ нашъ Александръ, были съ дѣтства особенно дружны. Я чуяла въ ней что-то новое и спросила ее:

— Tu aimes le comte?

Мы называли Льва Николаевича за глаза «le comte», говоря между собою почти всегда по-французски.

— Je ne sais pas,—отвѣтила она.

Отвѣтъ ея былъ искренній. Да, дѣйствительно, она не знала, любитъ она или нѣтъ. Въ ней проснулось тревожное чувство опасенія за его жизнь; оно, быть можетъ, вызвало въ ней и болѣе сильное, но пока оно было безсознательно.

Вскорѣ мы переѣхали въ Покровское. Весна

была въ полномъ разгарѣ, такъ же какъ и наша молодая, безпечная жизнь, полная поэзіи и надеждъ.

Въ серединѣ іюля Левъ Николаевичъ вернулся изъ Самары, очень довольный своей поѣздкой. Онъ еще съ кумыса писалъ своей теткѣ: «Мы съ Алексѣемъ потолстѣли. Немного кашляемъ. Живемъ въ кибиткѣ. Погода прекрасная».

По возвращеніи своемъ онъ пріѣхалъ къ намъ въ Покровское, что для насъ было большою радостью. Онъ привезъ намъ большой букетъ степной травы «ковыль», которую мы прежде никогда не видѣли.

Левъ Николаевичъ часто посѣщалъ насъ, и хотя наша жизнь въ Покровскомъ шла съ обычнымъ оживленіемъ, но съ его пріѣздомъ все принимало яркій и содержательный характеръ.

Помню, какъ однажды мой братъ со своимъ товарищемъ впряглись въ настоящій кабріолетъ и покатили меня по дорогѣ. Издали мы увидѣли Льва Николаевича и поѣхали ему навстрѣчу. Онъ шелъ пѣшкомъ изъ Москвы въ Покровское съ сыномъ профессора Пако.

— Здравствуйте, Левъ Николаевичъ,—радостно закричала я ему издали, сидя въ кабріолетѣ.

Поравнявшись и поздоровавшись съ нами, онъ сильными руками схватилъ оглобли кабріолета и одинъ шибко подкатилъ меня къ дому.

Мы часто совершали съ нимъ длинныя прогулки. Онъ всегда умѣлъ оживлять ихъ; затѣвалъ бѣгать въ перегонки, или же съ моими братьями игралъ въ чехарду. Останавливаться и отдыхать по дорогѣ онъ не любилъ, чѣмъ я бывала недовольна.

Отношенія Льва Николаевича къ моимъ сестрамъ оставались неизмѣнно ровны, просты и серьезны. Лишь со мною онъ обращался какъ съ дѣвочкой, ребенкомъ, шутя трунилъ надо мной, передразнивая мой выговоръ; заставлялъ пѣть, называя madame Viardo.

Въ большихъ семьяхъ, какою была наша, обыкновенно находятся люди, которые не пропускаютъ случая заняться сплетнями. Такіе нашлись и у насъ. Двѣ сестры нѣмки,—одна, жившая гувернанткой у насъ, а другая у графини Маріи Николаевны,—начали болтать, что «графъ ѣздитъ въ домъ для старшей сестры». Эта сплетня косвенно повліяла на мою вторую сестру: хотя ея живой и веселый характеръ ни въ чемъ не измѣнился, и она, попрежнему, принимала участіе въ удовольствіяхъ и затѣяхъ нашихъ, но я замѣтила, что, когда пріѣзжалъ Левъ Николаевичъ, она стала держать себя въ сторонѣ, и, когда мы поздно вечеромъ оставались вдвоемъ, я замѣчала въ ней оттѣнокъ грусти и сомнѣнія.

Ей хотѣлось высказать и излить все накопившееся въ сердцѣ, и она начала писать повѣсть, гдѣ описала себя, Льва Николаевича, много другихъ лицъ и меня, по моей просьбѣ,

назвавъ меня Наташей. Это имя перешло въ «Войну и миръ». Льву Николаевичу оно понравилось, какъ подходящее къ типу. Сестра писала съ большимъ увлеченіемъ.

Къ концу лѣта отношенія Льва Николаевича къ сестрѣ Сонѣ видимо стали мѣняться, но родители не замѣчали этого, такъ какъ сплетня Нѣмокъ какъ бы укрѣпила фальшивый взглядъ на намѣреніе Льва Николаевича. Замѣчали мы только двое: сестра и я.

Онъ просилъ ее дать ему прочесть ея повѣсть. Послѣ долгихъ колебаній она дала ему прочесть. И вотъ что онъ по этому поводу пишетъ въ своемъ дневникѣ:

«Пошелъ въ Покровское пѣшкомъ. Покойно, уютно. Соня дала прочесть повѣсть. Что за энергія правды и простоты! Ее мучаетъ неясность. Все я читалъ безъ замиранія, безъ признаковъ ревности или зависти, но слова: «Необычайно непривлекательной наружности» и «перемѣнчивость сужденій»—задѣли славно. Я успокоился; все это не про меня».

Въ молодости наружность Льва Николаевича всегда мучила его; онъ былъ увѣренъ, что онъ отталкивающе дуренъ собою; я не разъ слышала это отъ него. Но онъ, конечно, не зналъ того, что привлекательную сторону его наружности составляла духовная сила, которая жила въ его глубокомъ взглядѣ. Онъ самъ не могъ видѣть и поймать въ себѣ этого выраженія глазъ, а оно именно составляло прелесть его лица.

III.

Въ началѣ августа наша мать должна была ѣхать въ Тульскую губернію къ отцу своему, Александру Михайловичу Исленьеву, жившему въ своемъ имѣніи Ивицы, и по дорогѣ заѣхать въ Ясную Поляну, куда давно звала ее графиня Марія Николаевна.

Отношенія матери къ семейству Толстыхъ были давнишними. Встарину дѣдушка Исленьевъ жилъ въ своемъ имѣніи, селѣ Красномъ, въ сорока верстахъ отъ Ясной. Отцы были сосѣдями—на «ты», и видѣлись постоянно. Графиня Марія Николаевна всю жизнь была очень дружна съ моей матерью, и судьба, какъ бы нарочно, свела ихъ въ Ялтѣ въ послѣдніе дни передъ кончиною тамъ моей матери.

Въ тульскую свою поѣздку мать взяла насъ, трехъ сестеръ, съ собою. Желѣзной дороги по направленію къ Тулѣ въ то время еще не было, и мы поѣхали въ шестимѣстной, такъ называемой, аннинской каретѣ. Съ нами ѣхалъ Левъ Николаевичъ.

И какія чудныя воспоминанія оставило во мнѣ путешествіе на лошадяхъ: остановки въ незнакомой лѣсной мѣстности, кондукторъ съ рожкомъ, таинственность ранняго утра, восходъ солнца, перекличка пѣтуходъ на постояломъ дворѣ,—все привлекало меня. Въ каретѣ было четыре мѣста внутри и два сна-

ружи; Левъ Николаевичъ ѣхалъ все время въ наружномъ мѣстѣ, мы же поперемѣнно; въ каретѣ было душно и скучно.

Сначала мы заѣхали въ Ясную Поляну. Чудное впечатлѣніе произвела на меня усадьба. Два большихъ бѣлыхъ двух-этажныхъ каменныхъ флигеля и большой старинный паркъ съ четырьмя прудами были расположены очень красиво; вблизи дубовый лѣсъ еще болѣе оживлялъ мѣстность.

Съ Львомъ Николаевичемъ жила тогда его старая тетушка, Т. А. Ергольская, такъ хорошо описанная въ біографіи Бирюкова. При ней находилась приживалка Наталія Петровна. Изъ людей были человѣкъ Алексѣй, ѣздившій на кумысъ, Дуняша, съ-молода жившая при тетушкѣ, и старый поваръ изъ крѣпостстныхъ, Николай Михайловичъ.

Въ Ясной гостила въ то время графиня Марія Николаевна Толстая. Помню ее съ большими черными глазами и гладко причесанными черными волосами. Она всегда покоряла меня своей лаской и простотой.

Мы пріѣхали въ Ясную вечеромъ. Левъ Николаевичъ очень хлопоталъ, чтобы удобно размѣстить насъ. Намъ, тремъ сестрамъ, отвели внизу большую комнату со сводами. По стѣнамъ стояли длинные жесткіе диваны, на потолкѣ висѣли большія желѣзныя кольца и окна были рѣшетчатыя. Эта комната стала впослѣдствіи кабинетомъ Льва Николаевича, и Рѣпинъ обезсмертилъ ее, написавъ Льва

Николаевича, сидящаго въ ней за столомъ, и изобразивъ всѣ подробности этого кабинета.

Къ вечернему чаю пришли три учителя яснополянской школы. Одинъ былъ Нѣмецъ, Келлеръ, привезенный Львомъ Николаевичемъ изъ-за границы, и двое Русскихъ.

На слѣдующее утро мы пошли въ другой флигель, гдѣ во второмъ этажѣ помѣщалась школа. Занятія еще не начинались. Наверху были свѣтлыя просторныя комнаты съ балкономъ и прекраснымъ открытымъ видомъ. Могла ли я тогда думать, что въ теченіе двадцати пяти лѣтъ буду пріѣзжать съ своей семьей на лѣто въ этотъ самый домъ!

Вечеромъ былъ устроенъ пикникъ въ огромномъ казенномъ лѣсу Засѣка, примыкающемъ къ ясно-полянской землѣ.

Къ крыльцу были поданы катки (родъ линейки), верховыя лошади и кабріолетъ, и мы всѣ, за исключеніемъ двухъ старушекъ, поѣхали въ Засѣку, куда заранѣе былъ отправленъ самоваръ со всѣми принадлежностями для чая. Лужайка въ лѣсу съ огромнымъ стогомъ сѣна была мѣстомъ нашего сборища.

Изъ сосѣдей пріѣхали семьи Ауэрбахъ и Маркова. У Ауэрбахъ была племянница С. П. Берхольдъ, впослѣдствіи замужемъ за А. А. Ауэрбахомъ, дѣвушка нашихъ лѣтъ, удивительно милая, съ которой сохранились добрыя отношенія и по сю пору. Она мнѣ разсказывала, какъ однажды они всѣ ѣхали со Львомъ Николаевичемъ въ каткахъ. Учитель, Густавъ

Федоровичъ Келлеръ, въ золотыхъ очкахъ на круглыхъ глазахъ, съ цвѣтущимъ видомъ, ѣхалъ верхомъ и, не сумѣвъ перепрыгнуть канаву, свалился съ лошади, но совершенно благополучно. Когда всѣ ахнули, а у молодежи вырвался невольный смѣхъ, Левъ Николаевичъ, сидя на каткахъ, въ одно мгновеніе произнесъ:

Для Келлера Густава
Не писано устава,
Лишь вырыта канава.

Пріѣхавши на мѣсто, мы перезнакомились съ вновь прибывшими гостями, послѣ чего Левъ Николаевичъ заставилъ старыхъ и молодыхъ взбираться на стогъ сѣна и, когда всѣ были наверху, устроилъ тріо:

«И ключъ на камешкахъ течетъ».

Потомъ хоровое пѣніе «Во лузяхъ», и самъ участвовалъ въ хорѣ.

Пѣніе выходило прекрасно. Пѣсни наши такъ и лились по воздуху, а еще болѣе лилось общее веселье. Казалось, что такіе серьезные люди, какъ Марковъ и Ауэрбахъ, съ которыми Левъ Николаевичъ обыкновенно велъ бесѣды о педагогіи и школахъ, совсѣмъ теперь преобразились; все слилось въ одно общее оживленіе, въ которомъ Левъ Николаевичъ, своимъ остроуміемъ и запасомъ жизненности, былъ запѣвалой.

Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я помню еще этотъ чудный тихій вечеръ съ кра-

335.

сивымъ закатомъ солнца, и эту лужайку, окаймленную вѣковыми деревьями Засѣки.

И мнѣ казалось тогда, что вся эта природа, и закатъ, и лужайка, все это только для насъ, что до насъ тутъ ничего не существовало. И дѣйствительно, мнѣ приходилось послѣ бывать на этомъ самомъ мѣстѣ, но я не узнавала его: и лужайка, и деревья какъ будто утратили и свою красоту, и свое значеніе.

Мы пробыли въ Ясной Полянѣ два дня и поѣхали къ дѣду въ деревню. Левъ Николаевичъ остался у себя.

Какъ сейчасъ помню, на третій день нашего пріѣзда я сидѣла съ дѣдушкой на терасѣ, когда Левъ Николаевичъ подъѣхалъ къ намъ верхомъ на бѣлой лошади. Дѣдъ, знавшій его ребенкомъ и очень любившій его, радостно встрѣтилъ его. Левъ Николаевичъ нѣсколько уже лѣтъ не бывалъ въ Ивицахъ. Я тотчасъ же побѣжала сказать сестрѣ о его пріѣздѣ. И я видѣла, что она была счастлива и довольна этимъ извѣстіемъ.

Левъ Николаевичъ пробылъ въ Ивицахъ нѣсколько дней, принимая участіе въ шумной нашей жизни.

Не стану описывать рядъ устроенныхъ по случаю пріѣзда празднествъ, которыя особенно оживляла Ольга, дочь дѣдушки отъ второго брака,—красивая молодая дѣвушка нашихъ лѣтъ, впослѣдствіи замужемъ за М. М. Киріаковымъ.

Какъ-то разъ вечеромъ, когда собрались у

дѣдушки сосѣди, и старики, окончивъ играть въ карты, ушли въ стововую, за ломберный столъ случайно сѣли Левъ Николаевичъ и моя сестра.

Я сидѣла въ этой же комнатѣ подъ фортепіанами, куда спряталась, чтобы меня не заставляли пѣть. Я видѣла, какъ Левъ Николаевичъ писалъ что-то по столу мѣломъ. Лицо его было серьезно и выражало внутреннее волненіе.

Нагнувшись надъ столомъ, сестра внимательно и сосредоточенно слѣдила глазами за движеніемъ мѣлка, какъ будто вся ея жизнь зависѣла отъ того, что она сейчасъ прочтетъ. Въ комнатѣ, кромѣ насъ, сидѣло еще нѣсколько человѣкъ, но они, казалось, никого не замѣчали.

Изъ-за своей засады я смотрѣла на нихъ и видѣла, какъ лицо сестры преобразилось. Она быстро стала писать и тотчасъ же стирать щеточкой.

Вечеромъ, когда мы пришли наверхъ, я спросила ее:

— Что это вы писали за столомъ?

— Le comte писалъ мнѣ первоначальныя буквы словъ и по нимъ я должна была читать, что онъ пишетъ,—отвѣчала она.

— И ты могла прочесть?—спросила я.

— Могла,—отвѣтила она съ счастливой улыбкой.

Написанныя на столѣ буквы были слѣдующія: «В. В. с. с. л. в. н. м. и н. в. с. Л., р. е. с. Т.». Это значило: «Въ вашемъ семействѣ су-

ществуетъ ложный взглядъ на меня и на вашу сестру Лизу, разрушьте его съ Таничкой».

Соня отгадала эту фразу, и тогда Левъ Николаевичъ написалъ еще: «В. м. и п. с. с. ж. н. н. м. м. с. и н. с.», что означало: «Ваша молодость и потребность счастья слишкомъ живо напоминаютъ нынче мнѣ мою старость и невозможность счастья».

Я очень удивлялась на сестру, какъ могла она отгадать значеніе этихъ буквъ.

Прошло съ тѣхъ поръ много времени, и сестра, вспоминая объ этомъ, говоритъ, что она разобрала смыслъ написаннаго Львомъ Николаевичемъ благодаря лишь тому, что души ихъ были одинаково настроены. Эта сцена описана въ «Аннѣ Карениной».

Время шло, и мы собирались ѣхать домой. Въ послѣдній вечеръ былъ назначенъ пикникъ въ лѣсу. Съѣхалось много сосѣдей. Здѣсь сосѣди были иные, чѣмъ въ Ясной Полянѣ: они очень напоминали типы тургеневскаго «Затишья».

На пикникѣ произошелъ эпизодъ, почему-то оставшійся у меня въ памяти. Когда въ лѣсу мы всѣ усѣлись на разостланныхъ коврахъ вокругъ различныхъ пироговъ и угощеній, дѣдушка, большой любитель цыганскихъ пѣсенъ, а въ молодости и цыганъ, велѣлъ своему казачку подать гитару, снятую въ честь нашего пріѣзда съ чердака, и, настроивъ ее, усадилъ меня возлѣ себя и, сказалъ, что будетъ вторить мнѣ.

«Ивушка, ивушка, зеленая моя»,—затянулъ хоръ.

Дѣдушка сильно, по-цыгански, ударилъ по струнамъ, и вдругъ изъ отверстія гитары посыпались во всѣ стороны отвратительные красные тараканы, и въ одно мгновеніе мое бѣлое платье было ими усыпано. Это было ужасно! Дѣдушка, выбранивъ казачка, велѣлъ вычистить гитару и, снова настроивъ ее, сѣлъ въ кружокъ и затянулъ «Ивушку», которую дружно подхватилъ хоръ.

Въ концѣ августа мы были дома въ Покровскомъ. Домъ показался мнѣ унылымъ и пустымъ послѣ такого веселья. Братъ и его товарищъ были уже въ корпусѣ. Вечера стали длинные и темные. Погода испортилась. Утромъ насъ развлекали грибы, мы ходили набирать ихъ въ лѣсъ, а вечеромъ, когда мать бывала занята, старшая сестра сидѣла за книжкой, а я съ Соней, забравшись къ себѣ наверхъ, сидѣли вдвоемъ.

Она усердно писала свою повѣсть; выраженіе лица, за которымъ я слѣдила, постоянно мѣнялось, смотря по тому, что она писала.

Я сидѣла за тѣмъ же столомъ съ любимой моей книгой, «Евгеніемъ Онѣгинымъ», котораго перечитывала второй разъ, и изрѣдка спрашивала сестру:

— Соня, ты написала что-нибудь про меня?

— Написала,—добродушно отвѣчала она.

— Ну, прочти.

И она читала.

Въ домѣ было тихо; мы прислушивались, какъ осенній вѣтеръ завывалъ на всѣ лады, сливаясь съ соннымъ плачемъ малышей, которые жили за стѣной нашей комнаты.

И какое сладкое и унылое настроеніе бывало въ эти тихіе вечера! Чувствовалось грустное усыпленіе, и сердце, еще не испорченное жизнью, было открыто на все хорошее. И въ эти минуты хотѣлось, чтобы всѣ любили насъ—и Лиза, и le comte, и гувернантка Сарра Ивановна, и старая слуга Трифоновна,—всѣ, всѣ!

IV.

Въ началѣ сентября мы пріѣхали въ Москву, куда пріѣхалъ и Левъ Николаевичъ.

Вечеромъ 16 сентября онъ отдалъ моей сестрѣ Сонѣ письмо, въ которомъ просилъ ея руки, а на другой день всѣмъ, пріѣзжавшимъ поздравлять мать и ее съ имянинами, объявляли о помолвкѣ. Общее настроеніе портило недовольство нашего отца, ожидавшаго и желавшаго свадьбы старшей сестры.

Не буду описывать время жениховства. Оно всегда томительно. Суета съ приданымъ, поздравленія, вывѣска жениха и невѣсты и неловкое ихъ положеніе,—все заставляло желать сокращенія этого времени.

Вѣнчаніе было назначено 23 сентября въ Кремлѣ, въ Придворной церкви, куда мы дѣтьми ходили почти каждое воскресенье. Изъ близкихъ Льва Николаевича были на

свадьбѣ: его тетка, Пелагея Ильинишна Юшкова, и его друзья В. С. Перфильевъ (бывшій московскій губернаторъ), его жена, урожденная графиня Толстая, дальняя родственница Льва Николаевича, и семья стариковъ Перфильевыхъ. Шаферомъ былъ Тимирязевъ. Братъ же Льва Николаевича, Сергѣй Николаевичъ, уѣхалъ въ Ясную Поляну готовить все для пріѣзда молодыхъ.

Въ день свадьбы со Львомъ Николаевичемъ произошелъ пресмѣшной случай: когда онъ сталъ одѣваться къ вѣнцу, оказалось, что у него нѣтъ крахмальной рубашки

Алексѣй забылъ оставить ее, отправляя вещи въ деревню

Сестра и мы всѣ были уже готовы ѣхать въ церковь и не могли никакъ понять, почему не идетъ шаферъ; и не мы одни, но и приглашенные на свадьбу, съѣхавшіеся въ церкви, тоже въ недоумѣніи ожидали жениха съ невѣстой. Къ восьми часамъ вечера пріѣхалъ къ намъ человѣкъ Алексѣй и второпяхъ сталъ раскладывать вещи Льва Николаевича, уже уложенныя въ важи дормеза. Вѣнчаніе опоздало на цѣлый часъ. Послѣ вѣнца пріѣхали къ намъ.

Въ полночь къ крыльцу подъѣхалъ дорожный дормезъ, запряженный, по-старинному, шестерикомъ съ форейторомъ.

Мы всѣ, кромѣ отца, который былъ не совсѣмъ здоровъ, стояли на подъѣздѣ и провожали молодыхъ.

Прощаніе съ сестрой мнѣ было болѣе чѣмъ тяжело. Мать и сестра Соня плакали. Левъ Николаевичъ ласково прощался съ нами, и когда Алексѣй захлопнулъ дверцу кареты, я услышала какъ бы стонъ, вырвавшійся у матери, которую привыкла видѣть всегда сдержанной и даже холодной.

Я убѣжала въ свою комнату, опустѣвшую, унылую, гдѣ на диванѣ еще лежало неприбранное вѣнчальное платье.

Я бросилась къ себѣ на постель и, уткнувшись лицомъ въ подушку, горько заплакала. Старшая сестра Лиза шла за мной.

— Таня,—окликнула она меня,—мы теперь съ тобою будемъ дружно жить, хочешь?—тихо и серьезно сказала она.

Прошло нѣсколько томительныхъ, грустныхъ дней, и я получила письмо изъ Ясной Поляны.

Сестра писала мнѣ, какъ она устроилась, какъ все въ Ясной ей нравится, но что она еще не освоилась съ мыслью, что она въ Ясной Полянѣ «дома». Она пишетъ, какъ она окружена любовью и заботами не только мужа своего, но и окружающихъ. Какъ хорошо ей на свѣтѣ жить, и, при этомъ, слѣдующими словами—выражаетъ опасеніе за будущее:

«Боюсь думать о будущемъ,—вѣдь теперь уже не мечтаешь, какъ бывало дѣвой, а прямо знаешь свою судьбу, только страшно, что испортится... Да что, дѣвочка, ты не поймешь; когда выйдешь замужъ, поймешь...».

На этомъ письмѣ Левъ Николаевичъ тоже приписываетъ мнѣ и проситъ сохранить или вернуть ему это письмо сестры моей.

Онъ пишетъ, какъ поэтичны ея мысли о будущемъ, перемѣшанныя съ заботами о настоящемъ, и прибавляетъ еще, какъ хорошо она играетъ въ «большую» и «барыню» въ чепцѣ съ малиновыми лентами.

Кончаетъ онъ письмо словами: «Прощай, голубчикъ, дай Богъ тебѣ такого же счастья— больше не бываетъ. Я тебѣ буду писать много».

Это письмо немного утѣшило и успокоило меня.

Время шло, и жизнь наша снова вошла въ обыденную колею, хотя на каждомъ шагу я чувствовала отсутствіе любимой сестры.

V.

Приближались праздники Рождества, и Левъ Николаевичъ съ сестрой, къ нашей общей радости, пріѣхалъ въ Москву.

Пребываніе ихъ въ Москвѣ помню смутно. Осталось лишь общее впечатлѣніе сплошного веселья. Но почему-то сохранился у меня въ памяти обѣдъ у Толстыхъ, въ гостиницѣ Шевріе, гдѣ они остановились.

На этомъ обѣдѣ были: А. А. Фетъ, Д. Ал. Дьяковъ, другъ Льва Николаевича, писатель Григоровичъ, А. М. Кузминскій, впослѣдствіи мой мужъ, въ то время еще правовѣдъ, и я.

Мы, юнцы, попали, вѣроятно, на этотъ обѣдъ въ качествѣ любимыхъ дѣтей.

За обѣдомъ было необыкновенно весело: Григоровичъ интересно разсказывалъ, Фетъ острилъ, Левъ Николаевичъ былъ въ такомъ настроеніи, что своимъ юморомъ оживлялъ все общество.

Безпрерывно одно вытекало изъ другого, и какъ-то все, что на этомъ обѣдѣ говорилось, казалось веселымъ и кстати. Даже незначительная острота Фета, сказанная послѣ пробы вина, что «Depret (виноторговецъ) n'est bon que de loin», или слова Льва Николаевича: «Фетъ, faites moi le plaisir», произнесенныя при передачѣ компота,—все вызывало веселый взрывъ хохота.

Фетъ, между прочимъ, припоминалъ время, когда онъ служилъ въ уланахъ, и образно разсказывалъ, какъ лихо онъ отплясывалъ мазурку, и что это въ полку называлось:

«Пущать уланскій чокъ».

Въ Москвѣ Толстые пробыли всего одинъ мѣсяцъ и вернулись въ Ясную Поляну съ новымъ удовольствіемъ.

Жизнь ихъ въ деревнѣ сложилась и счастливо и содержательно, что видно изъ ихъ писемъ.

Вотъ что писала сестра о своей жизни въ деревнѣ:

«Все переношусь въ прошедшее и люблю вспоминать подчасъ, какъ славно было. Но и теперь отлично, серьезно. Наша жизнь такъ

хороша, прелесть! Цѣлый день заняты. Живемъ, какъ хотимъ, просто.

«Его дѣло—романъ, писаніе. Я учусь по-англійски, рисую, читаю. Играемъ въ четыре руки. Право, мы блаженны, что любимъ такую жизнь, и счастливы, что создалась такая жизнь. Левочка все своихъ «Казаковъ» поправляетъ. Надняхъ отошлетъ къ Каткову. Да еще маленькую повѣсть «Поликушку»,—такъ себѣ, порядочная.

«Скажу тебѣ подъ секретомъ, что онъ можетъ быть насъ опишетъ, когда ему будетъ 50 лѣтъ.

«Цыцъ только!»...

Иныя ихъ письма дышатъ молодымъ, безотчетнымъ весельемъ.

Ихъ правильная, счастливая жизнь отражалась, какъ солнечный лучъ, на окружающихъ ихъ. Своимъ теплымъ и участливымъ отношеніемъ они привлекали къ себѣ не только близкихъ людей, но и тѣхъ, кому приходилось просто посѣщать ихъ. Въ нихъ чувствовалось отсутствіе эгоизма, несмотря на то, что Левъ Николаевичъ часто обвинялъ себя въ эгоизмѣ; но если этотъ недостатокъ и былъ въ немъ, то запрятанъ былъ куда-то очень далеко.

Взглядъ Льва Николаевича на эгоизмъ отчасти виденъ изъ слѣдующей выписки изъ его письма ко мнѣ:

«Да, вотъ я и разсуждаю уже второй день, что очень грустно оттого, что на свѣтѣ всѣ

эгоисты, изъ которыхъ первый я самъ. Я не упрекаю никого, но думаю, что это очень скверно, и что нѣтъ эгоизма только между мужемъ и женою, когда они любятъ другъ друга. Мы живемъ теперь два мѣсяца одни-одинешеньки, съ дѣтьми, которыя первые эгоисты, и никому до насъ дѣла нѣтъ. Въ Пироговѣ* насъ забыли, и въ Москвѣ, думаешь, тоже. И самъ понемножку забываешь. И особенно Феты навели меня на эту мысль. Какъ хорошо тому жить и съ тѣмъ жить, кто умѣетъ любить. Ты, пожалуйста, напиши (все равно, правда ли, неправда ли), что ты насъ любишь для насъ. Я Дорку** полюбилъ за то, что она не эгоистка. Какъ бы это выучиться такъ жить, чтобы радоваться счастью другого?

«Я только проснулся, и въ головѣ сумбуръ и раздраженье, какъ будто мнѣ пятнадцать лѣтъ, и вся хочется понять, чего нельзя понять, и ко всѣмъ чувствуешь и нѣжность, и раздраженье. Мы тебя скоро увидимъ. Это очень хорошо. Прощай, напиши намъ подробнѣе о себѣ. Хотя эта моя дичь и не стоитъ того».

VI.

Наконецъ наступила желанная весна, любимая пора года, и меня отпустили въ Ясную Поляну. Я снова ѣхала на лошадяхъ. Дорогой меня занимала мысль, какъ живутъ Толстые

*) Имѣніе гр. С. Н. Толстого.
**) Ирландскій сетеръ.

въ Ясной. Я представляла себѣ эти бѣлые дома, старыя липовыя аллеи, и всюду видѣла Льва Николаевича и тетеньку Татьяну Александровну съ Натальей Петровной, но сестру Соню я не могла себѣ представить, что она тамъ дома, хозяйничаетъ въ чепцѣ съ малиновыми лентами, заказываетъ обѣдъ и принимаетъ гостей,—совсѣмъ, какъ мама.

Вечеромъ я пріѣхала въ Ясную, и съ этого дня началась лучшая пора моей жизни, тѣсно связанная съ жизнью сестры и Льва Николаевича.

Перейду прямо къ тому, что я застала въ Ясной и чѣмъ были заняты Левъ Николаевичъ и сестра.

Зимнія занятія уступили лѣтнимъ. Школа была распущена. Левъ Николаевичъ сильно увлекался въ то время хозяйствомъ, пчелами и охотой. Въ хозяйствѣ Левъ Николаевичъ ни въ чемъ не походилъ на обыденнаго хозяина-помѣщика, послѣдовательно идущаго по рутинной дорогѣ. Онъ всегда чѣмъ-нибудь увлекался и, страстно цѣпляясь за дѣло, весь отдавался ему.

Сестра полевымъ хозяйствомъ не занималась, но на ней лежала часть конторскихъ обязанностей, которыя она съ гордостью приняла на себя.

Вотъ что она еще раньше писала мнѣ объ этомъ:

«У насъ важное событіе. Мы отправили управляющаго-Нѣмца, и Лева самъ будетъ упра-

влять съ помощью студента Томашевскаго, отличнаго малаго, а я буду держать счеты и контору. Каково? То есть расплачиваться съ людьми, бабами, поденными и проч. И я рада, что у меня какъ будто дѣло. У насъ хозяйство до безконечности! И какъ много сопряжено съ этимъ непріятнаго и труднаго, конечно, для Левы, а для меня—на столько, на сколько это касается его».

И дѣйствительно, пріѣхавши къ нимъ, я увидѣла, какъ сестра занималась конторскими дѣлами. По вечерамъ приходила съ поденщины пестрая веселая толпа дѣвокъ и бабъ, и она раздавала имъ билетики. Я помогала ей въ этомъ. Всѣ онѣ знали ее и по школѣ, и потому, что иногда приходили къ ней больные, которыхъ она лѣчила, какъ умѣла. Отношенія къ ней были удивительно просты и хороши. Эти занятія ея длились, однако, не долго,такъ какъ она была въ ожиданіи ребенка.

Левъ Николаевичъ по цѣлымъ часамъ иногда сидѣлъ на пчельникѣ. Надѣвъ сѣтку и рукавицы, онъ на практикѣ изучалъ жизнь пчелъ. Пчельникъ находился приблизительно въ верстѣ отъ дома, въ молодомъ лѣсу, возлѣ Засѣки. Тамъ, въ избушкѣ, помѣщался старый дѣдъ, какихъ описываютъ въ сказкахъ, съ длинной бѣлой бородой. Онъ ходилъ среди ульевъ съ обнаженной головой, и пчелы его не трогали, что меня крайне удивляло.

За этимъ пчельникомъ было мѣсто, куда

обыкновенно Левъ Николаевичъ ходилъ на тягу вальдшнеповъ.

Тяга начинается съ закатомъ солнца. Сестра почти всегда ходила съ нимъ. Я пріѣзжала туда верхомъ и, привязавъ лошадь къ дереву, оставалась съ сестрой.

Левъ Николаевичъ садился поодаль отъ насъ. У ногъ его лежалъ ирландскій сетеръ «Дора». Вокругъ была тишина, пахло весенней молодой травой и березовымъ листомъ. Дубъ стоялъ еще обнаженнымъ.

Кто охотникъ и бывалъ на тягѣ, долженъ понять то волненіе, которое испытываешь при этомъ, когда издали слышишь взмахъ крыльевъ вальдшнепа и его совсѣмъ особенный хрипъ и свистъ. Я прямо-таки замирала. Левъ Николаевичъ стрѣлялъ хорошо, но бывали и промахи.

Такъ проводили мы большинство весеннихъ вечеровъ. Возвращались мы домой въ присланныхъ за нами каткахъ и дома заставали иногда пріѣхавшихъ гостей,

Посѣщавшими тогда Ясную Поляну, изъ тѣхъ, кого я хорошо помню, были: Фетъ, Д. А. Дьяковъ, помѣщикъ Новосильскаго уѣзда П. Ф. Самаринъ, Раевскіе, баронеса Е. И. Менгденъ, сынъ ея отъ перваго брака князь Д. Д. Оболенскій, Марковы, Ауэрбахъ, графъ Сергѣй Николаевичъ и ближайшій сосѣдъ А. Н. Бибиковъ, простой, добрый человѣкъ и, къ тому же, охотникъ.

Съ П. Ф. Самаринымъ Левъ Николаевичъ

часто спорилъ о разныхъ предметахъ и въ особенности горячій споръ возникъ, однажды, какъ помню я, по вопросу о смертной казни. Самаринъ желчно возражалъ Льву Николаевичу, высказываясь за смертную казнь, и тогда Левъ Николаевичъ, разгорячившись, отвѣтилъ ему: «съ вами страшно оставаться въ одной комнатѣ!»

Всего больше я любила посѣщенія Дмитрія Алексѣевича Дьякова. Это былъ другъ юности Льва Николаевича, прекрасный человѣкъ, остроумный, баринъ въ душѣ и образцовый хозяинъ. Онъ часто ѣздилъ къ намъ.

Фетъ нерѣдко привозилъ и читалъ свои стихотворенія. Помню, что Левъ Николаевичъ иныя одобрялъ. Фетъ былъ большой поклонникъ моей сестры. Онъ посвятилъ ей нѣсколько стихотвореній, и между ними одно изъ лучшихъ:

«Когда такъ нѣжно расточала
Кругомъ привѣта взоры ты,—
Ты мимолетно разгоняла
Мои печальныя мечты»... и т. д.

Онъ всегда любовался ея цвѣтущею молодостью, красотою, разносторонностью.

Нерѣдко предпринимали мы съ пріѣзжими гостями длинныя прогулки въ Засѣку, всегда въ каткахъ.

Помню ужасный случай, происшедшій однажды по моей винѣ. Мы собрались за Львомъ Николаевичемъ,—онъ былъ на охотѣ;

кромѣ насъ, домашнихъ, было еще нѣсколько человѣкъ. Катки были запряжены тройкой, и я сѣла править, какъ иногда дѣлала это.

Въ лѣсу было такъ хорошо, что мы тамъ засидѣлись и домой поѣхали уже поздно. Неожиданно нашли тучи и совсѣмъ стемнѣло. Въ каткахъ сидѣли сестра, двое-трое гостей,—не помню кто именно,—и Левъ Николаевичъ съ Келлеромъ, оба съ заряженными ружьями; Келлеру, кромѣ того, я поручила довезти гнѣздышко съ яйцами.

Мы ѣхали шагомъ. Колеи затрудняли дорогу, которую и безъ того не было видно. Вѣтки хлестали по головамъ. Головы лошадей я еле-могла разбирать среди страшной темноты. Но лѣсъ мы миновали благополучно, и я свободно вздохнула, думая, что благополучно исполнила лежавшую на мнѣ обязанность.

Выѣхавъ на знакомую дорогу, я пустила лошадей маленькой рысцой. Какъ вдругъ посрединѣ пути катки сильно накренились на правый бокъ, и такъ какъ козлы были безъ бочковъ и не за что было ухватиться, то я упала на землю и выпустила изъ рукъ возжи. Лошади, почуявъ свободу, понесли зигзагами, бросаясь изъ стороны въ сторону по широкой дорогѣ, прямо въ каретный сарай. Дорогой попадали всѣ, и я въ темнотѣ лишь слышала отчаянный крикъ Льва Николаевича: «Соня, не прыгай! Сиди, Соня!» Но катки налетѣли на кучу мусора, и Соня, къ ужасу всѣхъ, упала ничкомъ на дорогу.

Сарай былъ затворенъ, и лошади со всего розмаха уперлись въ него; два кучера, услышавъ стукъ, выскочили и схватили ихъ подъ узцы.

Для сестры, конечно, этотъ случай былъ болѣе всѣхъ опасенъ, но, слава Богу, не только она, но и всѣ мы отдѣлались однимъ испугомъ.

Меня срамили за то, что, падая, я выпустила возжи. И это было мнѣ такъ больно, что я до сихъ поръ помню.

Большую опасность представляли также заряженныя ружья. Но и это благополучно обошлось, и даже гнѣздышко съ яйцами торжественно поднесено мнѣ было Келлеромъ.

Утромъ и днемъ въ Ясной Полянѣ всякій былъ занятъ своимъ дѣломъ, и я мало видала Льва Николаевича: онъ или сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за писаніемъ, или же проводилъ время въ полѣ.

Онъ постоянно вводилъ въ хозяйство что-нибудь новое. Напримѣръ, онъ придумалъ извлекать доходъ изъ капусты, сажая ее въ массѣ, такъ что моя мать, пріѣхавшая къ родамъ сестры, говорила:

«И что это Левочка всю Ясную продушилъ капустой?»

Онъ сажалъ яблочные сады, разводилъ березовыя посадки, которыя теперь уже вырублены и вновь запущены подъ лѣсъ. Разводилъ коровъ, барановъ, свиней.

Результаты его хозяйства и страстность, съ которою онъ къ нему относился, видны изъ слѣдующихъ двухъ его писемъ къ моему отцу:

«Великая къ тебѣ просьба, Андрей Евстафьевичъ. Есть въ Москвѣ нѣкто баронъ Шепингъ. У этого барона есть удивительныя японскія свиньи, поросятъ отъ которыхъ онъ продаетъ по пятнадцати рублей. Я надняхъ видѣлъ у Шатилова пару такихъ свиней и чувствую, для меня не можетъ быть счастья въ жизни до тѣхъ поръ, пока не буду имѣть такихъ же».

Поросята были вскорѣ присланы, и по этому поводу Левъ Николаевичъ пишетъ:

«Не могу тебя достаточно возблагодарить за Японцевъ, любезный другъ. Что за рожи, что за эксцентричность породы! Они совершенно такіе, какихъ я видѣлъ у Шатилова и желалъ имѣть. Мои, надѣюсь, будутъ лучше выкормлены. Кромѣ многихъ радостей жизни, которыми я пользуюсь, есть еще большая радость слѣдить за расположеніемъ и улучшеніемъ растеній и животныхъ моихъ. Я увѣренъ, что ты бы принялъ участіе въ этомъ, и я съ годростью и радостью показалъ бы тебѣ кое-что, что я успѣлъ сдѣлать за это время. Куплено мною около трехсотъ мериносовъ, а теперь у меня ихъ шестьсотъ, и весь приплодъ, рожденный и воспитанный у меня, безъ всякаго сравненія лучше купленныхъ. Ожидаемый же приплодъ нынѣшняго года, я надѣюсь, будетъ замѣчателенъ, такъ какъ производители, купленные у Шатилова, высокой породы бараны. Кагда лѣтомъ пройдетъ вся бѣлая отара матокъ съ бубенчиками, за овча-

ромъ и Шумкой, а сзади пройдутъ моей выводки ярки съ другими очварами и шумкиными дѣтьми,—сердце веселится! Кромѣ мериносовъ, я развожу въ Никольскомъ улучшенную породу русскихъ овецъ и породу маличей (крымскихъ), купленныхъ у Шатилова. Когда будетъ желѣзная дорога, то члены англійскаго клуба будутъ посылать ко мнѣ депутатовъ для пріобрѣтенія маличей для своихъ обѣдовъ. Кромѣ того, изъ моихъ русскихъ курдючныхъ есть одинъ баранъ, вѣсящій пять пудовъ живого вѣса.

«Все это можетъ быть смѣшно и навѣрное скучно, но для меня это чрезвычайно интересно и привлекательно. Все это живое, все это растетъ и множится. Забудешь какъ нибудь на недѣлю за писаніемъ, или пріѣдешь изъ Никольскаго, пройдешь по дворамъ и садамъ,—смотришь: тамъ выросло, тамъ расплодилось»...

VII.

Лѣтомъ 28 іюня 1863 года въ Ясной произошло важное событіе: родился первый сынъ, Сергѣй. Это было въ два часа ночи. Я спала съ тетенькой Татьяной Александровной въ одной комнатѣ, когда услышала въ домѣ суматоху и бѣготню. На мой вопросъ, что случилось? Тетенька отвѣтила, что «le bon Dieu a envoyè un fils à Sophie et à Léon». Это извѣстіе очень меня обрадовало и совсѣмъ разгу-

ляло мой сонъ. Я тотчасъ же одѣлась и вышла въ столовую. Весь домъ былъ освѣщенъ и всѣ были на ногахъ. Люди съ озабоченными лицами бѣгали взадъ и впередъ. Въ столовой сидѣли мама, докторъ и другіе. Левъ Николаевичъ тоже пришелъ туда. Онъ былъ сильно взволнованъ и глаза были красны.

Къ сестрѣ меня не пустили. Подали шампанское, чай, и только къ утру все успокоилось.

Спустя нѣсколько дней мама отправила меня къ дѣдушкѣ въ Ивицы и, когда я вернулать недѣли черезъ двѣ, нашла сестру все еще нездоровой.

Это было тяжелое время для всѣхъ и особенно для сестры. Она долго болѣла, такъ какъ непремѣнно хотѣла сама кормить и, при своей неопытности, отдавалась съ самозабвеніемъ уходу за ребенкомъ.

Какъ ни тяжела была ей мысль взять кормилицу, однако это становилось необходимымъ. И Левъ Николаевичъ, врагъ наемныхъ кормилицъ, очень огорчился этимъ. Помню, какъ цѣлую ночь провозился онъ въ дѣтской и самъ неловкими руками поилъ ребенка изъ рожка. Вообще же Левъ Николаевичъ никогда не бралъ на руки крошечныхъ дѣтей.

Незамѣтно подошла осень, а съ нею пора охоты. Левъ Николаевичъ иногда бралъ ружье и шелъ въ лѣсъ за вальдшнепами, а чаще охотился съ борзыми. Охоту съ борзыми я особенно любила, такъ какъ принимала въ ней дѣятельное участіе.

Обыкновенно рѣшалось наканунѣ, куда ѣхать, и отдавались приказанія насчетъ лошадей и собакъ. Все это дѣлалось серьезно, степенно, и я чувствовала всю значительность этихъ сборовъ и понимала, что охота дѣло серьезное.

— И я поѣду?—спрашивала я обыкновенно.

— Лучше не ѣзди, ты устанешь, мы далеко поѣдемъ,—отвѣчалъ Левъ Николаевичъ.

Я понимала, что онъ это говоритъ оттого, что ему казалось, что я, какъ дѣвочка, буду мѣшать правильной охотѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, и я поѣду!—кричала я и такъ сильно протестовала, что дѣйствительно ѣхала, а потомъ это обратилось въ обычное явленіе, и я знала, что не стѣсняю и не порчу охоты.

Мы ѣздили раза два, три въ недѣлю. Иногда ѣздили въ Тулу, полями, къ другой тетушкѣ Льва Николаевича, Пелагеѣ Ильинишнѣ Юшковой, жившей въ Тульскомъ монастырѣ. Иногда ѣздили въ Пирогово, за сорокъ верстъ, гдѣ жила графиня Марія Николаевна съ дочерьми и сыномъ. А то кружились вокругъ Ясной Поляны.

Съ нами обыкновенно ѣздилъ А. Н. Бибиковъ и, кромѣ того, Левъ Николаевичъ бралъ съ собою мальчишку-школьника Николку Цвѣткова, маленькаго, черненькаго, шустраго мальчика.

Левъ Николаевичъ ѣздилъ на своей бѣ-

лой лошади, необыкновенно быстрой и красивой.

Въ концѣ сентября началась настоящая охота. Земля отъ дождей стала мягкою и собакамъ скакать было хорошо. Мы выѣзжали на охоту, невзирая ни на какую погоду.

Помню пресмѣшной эпизодъ, происшедшій однажды на охотѣ. Мы поѣхали, какъ всегда, рано утромъ съ неизмѣннымъ Бибиковымъ. Было очень холодно и дулъ сѣверный вѣтеръ. Левъ Николаевичъ говорилъ, что въ такую погоду заяцъ крѣпко лежитъ въ полѣ, боясь въ лѣсу шума падающихъ листьевъ, и что охота будетъ удачная. Мѣста, которыя мы проѣзжали, были мнѣ незнакомы: черноземныя зеленя и густыя жнивья.

Дѣйствительно, предсказанія Льва Николаевича сбылись. Только что мы выѣхали въ поле, какъ намъ удалось затравить двухъ зайцевъ и издали видѣть лисицу. Почему-то я, хлопая арапникомъ, поверхъ оврага незамѣтно заѣхала впередъ Льва Николаевича и Бибикова, и вдругъ почувствовала, что подпруги моего сѣдла ослабли и сѣдло съѣзжаетъ на правый бокъ. Я уже совсѣмъ теряла равновѣсіе. На меня напалъ ужасъ отъ безпомощнаго состоянія. Соскочить не было никакой возможности, такъ какъ я должна была упасть навзничь. Высвободиться изъ сѣдла мѣшала длинная амазонка.

Остановивъ лошадь, я стла громко звать Льва Николаевича, но голосъ мой терялся за

вѣтромъ. А сама я слышу издали этотъ неотразимо привлекательный, громкій крикъ: «ату его, ату его!» И черезъ нѣсколько секундъ мимо меня пронесся заяцъ, за нимъ собаки, къ которымъ рванулись и мои, за собаками Левъ Николаевичъ.

— Левочка, падаю!—кричу я что есть силы.

— Душенька, подожди!—проскакавъ мимо меня, закричалъ Левъ Николаевичъ.

Къ счастью, лошадь моя стояла, какъ вкопанная, и я благополучно провисѣла на сѣдлѣ еще нѣсколько минутъ, пока не подъѣхалъ Левъ Николаевичъ.

— Затравилъ?—первое, что я спросила его.

— Ушелъ!—съ досадой отвѣтилъ онъ.

Въ эту самую осень пришелъ къ Толстымъ бывшій монахъ, лѣтъ шестидесяти, Николай Сергѣевичъ В—въ. Онъ принадлежалъ къ дворянскому роду, съ-молоду былъ офицеромъ, а потомъ поступилъ въ монастырь, откуда вскорѣ былъ выключенъ, такъ какъ пилъ запоемъ; онъ продолжалъ однако ходить въ монашеской рясѣ, скитался по роднымъ и находилъ также пристанище у Толстыхъ, знавшихъ его уже давно. Левъ Николаевичъ и мы всѣ отъ души хохотали, слушая, очевидно, выдуманные имъ разсказы изъ временъ государя Александра Павловича, будто знавшаго его и, по его словамъ, даже однажды взявшаго его съ собою въ театръ, когда пѣла извѣстная Каталани, которую В—въ называлъ Catalan. Онъ передавалъ, между прочимъ, свой разго-

воръ съ Александромъ Павловичемъ въ царской ложѣ:

«— Catalan поетъ, а грудь вò!—говорилъ онъ, указывая, какъ вздымалась ея грудь.

«— В—въ, что это?—спросилъ государь.

«— Оргòнизмъ, ваше величество! — отвѣтилъ онъ, дѣлая подъ козырекъ.

«— А!»

Съ паѳосомъ декламировалъ онъ ломанымъ языкомъ французскіе стихи, воспѣвавшіе добродѣтель, и напѣвалъ маршъ того времени «Alexandre, Elisabeth». Онъ былъ высокаго роста, представительной наружности, съ большой бѣлой бородой. Сестра не любила его, но я забавлялась имъ.

Какъ-то въ сентябрѣ мы собрались на охоту, съ тѣмъ, чтобы полями проѣхать въ Тулу къ П. И. Юшковой. Наканунѣ мы приготовляли себѣ провизію и, между прочимъ, Левъ Николаевичъ растиралъ зеленый сыръ съ масломъ, старательно укладывая его въ продолбленный бѣлый хлѣбъ.

Зашла рѣчь, кого послать съ кабріолетомъ въ Тулу, чтобы намъ можно было вернуться домой въ экипажѣ. Вызвался ѣхать В—въ. Сестра не совѣтовала поручать ему лошадь, но, послѣ нѣкотораго колебанія, Левъ Николаевичъ растолковалъ ему, какъ ѣхать, и назначилъ пунктомъ нашей встрѣчи деревню, стоящую на полпути къ Тулѣ. В—въ долженъ былъ выѣхать днемъ и привезти всю нашу провизію и ружье Льва Николаевича.

На другой день мы, охотники, выѣхали въ семь часовъ утра. Погода была самая охотничья—шелъ мелкій дождичекъ, было довольно тепло. По обыкновенію, Бибиковъ былъ съ нами.

Выѣхавъ за Засѣку, мы стли равняться въ полѣ, отъѣхавъ другъ отъ друга на сто шаговъ. Собаки бѣжали около нашихъ лошадей.

— Таня, въ оврагѣ прохлопай!—иногда кричалъ мнѣ Левъ Николаевичъ, или же:—Проѣзжай по полынкàмъ!

И я ѣхала, и сама скоро выучилась какимъ-то особеннымъ нюхомъ находить зайцевъ.

Въ этотъ разъ мы подòзрѣли (увидѣли лежачими) двухъ зайцевъ и подняли нѣсколькихъ зайцевъ.

Увидѣть зайца, лежачаго въ межѣ или въ оврагѣ, не только мнѣ, но и Льву Николаевичу и всякому охотнику доставляло огромное удовольствіе. Въ этихъ случаяхъ арапникъ поднимался вверхъ съ криками: «ату его», и начиналась травля.

Лошадь Льва Николаевича скакала карьеромъ впереди всѣхъ и, никогда не спотыкаясь, легко перепрыгивала всѣ препятствія.

Удачная травля бывала необыкновенно красива и вызывала во мнѣ большую радость.

Къ тремъ часамъ дня мы подъѣхали къ условленной деревнѣ, гдѣ надѣялись найти В—ва, но его тамъ еще не было. Мы думали, что онъ не успѣлъ еще пріѣхать. Слѣзли съ лошади, сдѣлали привалъ и терпѣливо

стали ожидать. Ѣсть ужасно хотѣлось, и этотъ зеленый растертый сыръ казался намъ самымъ лакомымъ кушаньемъ. Левъ Николаевичъ дѣлалъ разныя предполаженія насчетъ В—ва, что онъ заблудился, или поѣхалъ дальней дорогой. Мы все время глядѣли вдаль, и все казалось, что вотъ-вотъ онъ подъѣдетъ.

Помню, какъ совершенно случайно завязался у насъ здѣсь интересный разговоръ. Я говорила, что меня часто мучаетъ какой-нибудь пустякъ изъ моей жизни, который я потомъ разбираю. Бибиковъ добродушно засмѣялся и сказалъ, что это совершенно напрасно, что думать о томъ, что прошло, не стоитъ, что на свѣтѣ все прекрасно, и въ особенности «для васъ»,—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, и что мучиться никогда не надо.

Левъ Николаевичъ замѣтилъ, что анализъ въ молодости особенно мучителенъ и что онъ самъ перешелъ черезъ это. И часто онъ замѣчалъ въ другихъ, что иногда глупость, какъ, напримѣръ, ошибка во французскомъ языкѣ, гораздо болѣе мучаетъ, чѣмъ какой-нибудь дурной поступокъ.

— А вотъ теперь насъ прямо мучаетъ голодъ,—сказалъ онъ, смѣясь.—Поѣдемте, можетъ быть, дорогой онъ нагонитъ насъ.

Пришлось голоднымъ снова сѣсть на лошадей и равняться. Проѣзжая мимо стада, мы обращались къ пастухамъ съ обычнымъ вопросомъ:

— Не видали ли зайца въ полѣ?

А на этотъ разъ прибавляли еще:

— А не видали ли телѣжку съ монахомъ?

Но всякій разъ получили отрицательные отвѣты.

Къ семи часамъ вечера мы подъѣзжали къ Тулѣ. Охота была изъ удачныхъ—мы затравили нѣсколькихъ зайцевъ. Переѣхавъ заставу, мы уже были на главной, Кіевской, улицѣ, когда неожиданно мимо насъ промчалась наша телѣжка. Въ ней сидѣлъ безъ шапки В—въ и неистово кричалъ на всю улицу: «на абордажъ! на абордажъ!» Волоса его развѣвались во всѣ стороны, глаза были красные, возжи онъ распустилъ и, держа въ рукахъ ружье, цѣлилъ во всѣхъ прохожихъ, которые съ ужасомъ разбѣгались по сторонамъ. Умная старая лошадь Барабанъ крупной рысью бѣжала прямо по улицѣ. Мы свернули въ переулокъ, чтобы на улицѣ не имѣть съ нимъ никакого дѣла. Ружье, къ счастью, не было заряжено. Оказалось, что дорогой онъ открылъ корзину съ провизіей и выпилъ весь графинчикъ съ домашнимъ «травникомъ», который Дуняша уложила по его просьбѣ.

Вскорѣ мы пріѣхали къ тетенькѣ. Левъ Николаевичъ отъ души смѣялся, разсказывая ей все, что случилось съ нами. А я и до сихъ поръ не могу безъ смѣха вспомнить всего этого. Телѣжка, лошадь и В—въ попали въ полицію, и лишь на другой день удалось ихъ выручить.

Тетенька накормила насъ; мы отдохнули, но ѣхать домой пришлось снова верхомъ, что меня немного огорчило.

Вообще же я любила эти позднія возвращенія. Ѣдешь себѣ, бывало, покачиваясь на сѣдлѣ, въ торокахъ висятъ зайцы, впереди темно, надъ головой звѣздное небо. Чувствуешь пріятную усталость, непреодолимо клонитъ ко сну. Закроешь глаза, и въ глазахъ мерещатся зайцы, зеленя, полынки, а на душѣ такъ молодо, такъ хорошо...

— Таня, ты спишь? Не отставай,—окликнетъ меня Левъ Николаевичъ.

Онъ ѣдетъ съ Бибиковымъ впереди меня. Николка на своей лошаденкѣ плетется сзади. Онъ и въ темнотѣ не остается спокойнымъ: то что-то напѣваетъ, то протяжнымъ голосомъ выкрикиваетъ: «генералъ-фельдмаршалъ князь Барятинскій!» При этомъ я слышу добродушный смѣхъ Льва Николаевича. Николка начитался про Барятинскаго, и ему нравится это имя. Сидя на лошади, и онъ себя чувствуетъ въ воинственномъ духѣ.

А лошади, равномѣрно шлепая копытами по лужамъ грязной дороги, торопливымъ шагомъ спѣшатъ домой.

Но вотъ уже видны огоньки деревни, вдали залаяли собаки, и мы скоро дома.

Дома встрѣчаетъ насъ сестра вопросомъ, отчего такъ запоздали?

Когда мы разсказали ей о случившемся, она перебила насъ словами: